

Интервью с автором. - М., 1936. - № 19

К Л А С С И К И

Р О Б Е Р Т Б Е Р Н С

В. АЛЕКСАНДРОВ

Известный английский писатель и критик Карлейль не преувеличивает, когда говорит, что песни Бернса — «лучшие произведения, когда-либо созданные английским гением» в этом роде поэзии. «Его песни составляют уже часть родного языка не только в Шотландии, но и Англии и целого миллиона людей, говорящих во всех концах земли на английском языке».

Отец Бернса был батраком, потом мелким арендатором. Жизнь Р. Бернса (1759—1796) сложилась тяжело: борьба с нуждой; фермы, которые не окупали себя и которые приходилось бросать; должность акцизного чиновника («для такого человека свет не сумел придумать лучшего дела, как ссориться с контрабандистами и целовальниками, высчитывать акциз и ревновать пивные бочки» — Карлейль); ранняя смерть.

Роберт БЕРНС. — Избранная лирика. Перевод с английского Т. А. Щепкиной-Куперник. Редакция, предисловие и комментарии С. Бабуха. М. Гослитиздат. Стр. 160. Тираж 10.000. Ц. 4 руб.



Роберт Бернс

Он начал писать стихи 14 лет. «Я не был настолько самонадеянным, чтобы воображать, будто я могу писать стихи вроде тех, которые печатаются, такие стихи, которые сочиняются людьми, знающими греческий язык и латынь; но моя девушка пела песню, сочиненную, как говорили, сыном мелкого землеладельца... Я подумал, почему бы я не мог

сочинять так же, как и он... он ведь учился не больше, чем я».

Сельскохозяйственный труд, который был ему так хорошо знаком («за плугом, — рассказывает Бернс, — с косой, серпом, я не боялся соперников»), при рода, которую Бернс ощущает с непосредственностью человека, работающего на земле, любовь — таковы темы его лирики. В своей автобиографии — письме д-ру Муру — Бернс говорит, что ему трудно удержаться от рассказа о любовных похождении его деревенских друзей, «скромных обитателей фермы и коттеджа; но важные сыны науки, тщеславия, скупости называют все это дурными качествами. Для сыновей и дочерей труда и бедности, напротив, все это очень серьезно; для них пылая надежда, тайный разговор, нежное прощанье — величайшие и чудеснейшие радости».

Этот крестьянский мир бесконечно дорог Бернсу.

«Фигура его дышала здоровьем и силой... — писал о нем Вальтер Скотт, — я бы принял поэта, если б не знал, что он, за умного фермера старой шотландской школы... за настоящего крестьянина, идущего за плугом.»

Таков Бернс и в его поэзии. Вот строки из его идиалли «Субботний вечер поселянки», удачно переведенные Т. А. Щепкиной-Куперник:

Но варт тихонько в дверь стучится кто-то...
Кто постучал, известно Джен одной:
— Сосед, мол, с нею шел через болото...
Ее провозит, кстати, он домой.
Ох, Джен, не скрывай от матери родной
Сиянье глаз, предательский румянец!..
С заботой мать пытает, кто такой,
И рада знать, что парень не из пьяниц,
Степенный человек, не нищий, оборванец.
С приветом Дженни вводит гостя в дом.
На славу парень! Джен в душе ликует.
Родным по сердцу: так хорош прием.
Отец о паше, о скоте толкует...
Гость с радости ног под собой не чувствует.
Но оробел, смущен: ни стат, ни сесть.
Мать поняла, что юношу волнует.
И для нее отрада в мысли есть, честь.
Что дитищу ее не хуже прочих, честь.
Но вот и ужин: скромный, но здоровый:
Тут каша — всей Шотландии оплот,
Похлебка от единственной коровы,
Жующей мирно жвачку у ворот.
Раздобывшись, хозяйка подает
В честь гостя сыр, хранившийся любовно.

Невозлит кушать: очень хвалит тот;
Она же сообщает многословно,
Что варен сыр, как лен зацвела, год будет
равно.

Разумеется, Бернс не революционер (он сперва сочувствовал французской революции, потом испугался ее). Его идеал — это мирные люди, которые одновременно являлись и частными собственниками, и трудящимися. «Мне нечего дать в долг, и брать взаимно я не буду ни у кого; я никому не господин и не буду ничьим рабом».

I am nobody's lord
I'll be slave to nobody.

Эти свои идеалы Бернс противопоставляет надвигающемуся капитализму. Последние десятилетия XVIII и начала XIX века — как раз период расцвета обезземеления крестьянства, усиленной «очистки имений от людей», в частности и в особенности на родине Бернса, в Шотландии. Ощущение гибели того уклада, который так дорог Бернсу, ощущение тревоги, тоски, сознание беззащитности. Проникает и в бернсовскую идиаллию.

Он обращается к полевой мышь, гнездо которой разорил своим плугом. Сколько хлопот стоило устроить это гнездо! Бернс жалеет о том, что господство человека разрушило общественный союз природы».

Но не с тобой одним, зверок,
Такие шутки шутит рок!
Неверен здесь ничей расчет;
Спокойно ждем
Мы счастья, а судьба несет
Невзгоду в дом.

И доля горестней моя:
Вся в настоящем жизнь твоя;
А мне и в прошлом вспоминать
Ряд темных лет
И с содроганьем ожидать
Грядущих бед!..
(Перевод М. Михайлова).

Те же настроен и в его знаменитых стихах о маргаритке, и в стихотворении (жал, что оно не включено в рецензируемую книжку) о раненом зайце: «Доживай, бедный странник лесов и полей, то немногое и горькое, что осталось от твоей жизни» — «the bitter little that of life remains».

Здесь нет никакого умиления собственной чувствительностью, здесь нет намерения восхитить этой чувствительностью читателя. И когда в кантате «Веселые нищие» Бернс описывает пирушку бродяг, он не стремится к каким-нибудь внешним эффектам («живописная», «гротеск» и т. п.) — все это ему совершенно чуждо; он пишет об этих людях просто потому, что испытывает к ним симпатию.

Никакой поэмы, никакой нарочитости; искренний демократизм, мужественное, добродушное чувство, никогда не переходящее в сентиментальность.

Лафарг говорит, что Бернс был одним из любимейших поэтов Маркса. Бернс имеет право и на эту любовь и на самую широкую популярность среди советских читателей.

Бернса перевели на русский язык многие поэты: М. Михайлов, П. Вейнберг, Д. Минаев, Чюмина и др. Часто Бернса русифицировали, делали из него нечто вроде Кольцова:

По сердитым волнам
Далеко уплыву, —
Сиротой-бобылем
Там свой век доживу!

(Перевод Белоусова).

Но и среди этих старых переводов были удачные, например, переводы Михайлова.

Главная опасность при переводе Бернса — линия наименьшего сопротивления: подмена бернсовской непосредственности привычными, гладкими оборотами, стертыми псевдо-поэтическими метафорами. Этой опасности не вполне избежала и Т. А. Щепкина-Куперник.

Любовь моя — нежная, нежная песня,
Мелодии звук неземной!

Слова «неземной» нет в соответствующих строках подлинника. Одно слово — и интонация получилась совсем не бернсовская.

Совсем искажился смысл последних строк стихотворения «У меня есть жена»:

Не любим я никем — не беда:
Я и сам не люблю никого.

Это звучит особенно странно при сопоставлении с первыми строками:

У меня есть жена: ни за что
Не отдам я ее никому.

Бернс говорит совсем другое: «Если никому до меня нет дела, то и мне нет дела ни до кого»; это — утверждение своей независимости, а в переводе получилось утрюмое завывание какого-то злостного человеконенавистника. Это Бернс-то никого не любит!

Труднее всего для перевода песни Бернса. Трудность здесь не в передаче чисто формальных особенностей (ритм, ассонансы и т. п.). Трудно передать самую сущность этого народного песенного склада, эмоциональность, простоту, ту цельность, о которой говорят, что из песни слова не выкинешь.

Как время медленно ползет
В час тоски унылой...
И как был скор его полет
В объятьях сердцу милый!

В подлиннике нет «полета времени», «объятий», «сердца». В подлиннике просто: «When I was w' my deaire» — «когда я был с моей милкой».

Т. А. Щепкина-Куперник неплохо перевела «Прекрасные берега Эйра»:

Простите, вереска поля,
И ты, родимая земля,
Былой любовью моей места,
Где бродит грустная мечта.
Простите все — друзья, враги...
Любовь — одним, и мир — другим!..
В слезах твержу я прост и вам —
Красавца Эйра берегам!

Но подлинник недосагас:

Farewell, my friends! farewell, my foes!
My peace with these, my love with those: —
The bursting tears my heart declare,
Farewell, the bonnie banks of Ayr!

Не нужно делать Бернса «неземным», но не следует впадать и в противоположную крайность («приземление», «буйство плоти», «фламандские краски» и т. п.). Этой опасности переводчица избежала.

Читатель помнит, конечно, переводы Э. Багрицкого. Нужно сказать, что, например, «Джон Ячменное зерно» (см. «Югозапад») является скорее самостоятельной композицией на тему Бернса, чем переводом.

Весенний дождь стучит в окно
В апрельском гуле грозы —
И Джон Ячменное зерно
Связь перетной пророс...

В следующей строфе опять «набухший перетной». Этого, перетная нет у Бернса, и о весне сказано совсем по-другому: «No laskovo prišla, veselaya vesna, i nachals' dozhdi». Некоторые строфы Багрицкого целиком не соответствуют тексту Бернса.

Готовьте благородный сок!
Ободьями скреплен
Боченок, сбитый из досок,
И в нем бунтует Джон.

У Бернса нет ничего похожего на это.

Он брызжет слюной дрожжевой,
Клянется и поет,
Он ходит в чаще круговой,
Он пену на пол авет...

У Бернса нет этой брызжущей дрожжевой силы, а вместо этого совсем другое:

John Barleycorn was a hero bold,
Of noble enterprise,
For if you do but taste his blood,
'T will make you courage rise.

Щепкина-Куперник точно перевела эту строфу:

Да! Джон Ячменное зерно
Герой отважный был:
Кто кровь отведаст его,
В том вспыхнет смелый пыл!

Щепкина-Куперник не плохо перевела эту стихотворение. Напрасно только она пишет, что кровь Джона заставит «вдохнуть» в плесень. (Нечто подобное в переводе Михайлова: «пойдет плясать вдова»). У Бернса: «заставит плет в сердце вдовы, даже если в ее глазах слеза».

Мы отметили недостатки переводов Т. А. Щепкиной-Куперник, но в целом, учитывая те исключительные трудности, преодолевать которые приходится переводчику Бернса, нужно признать ее работу заслуживающей всяческого одобрения. Многие переводы совсем хороши. Вот, например, разговор со сварливой женой:

— Коль правда, к вашему стыду,
Что все права у мужа, —
Я навсегда от вас уйду,
Характер обнаружу.
— О том заране я скорблю,
О, Нэнси, Нэнси!
Ну, да уж как-нибудь стерплю,
Моя супруга Нэнси!

— Ах, дни мои уж сочтены:
Навек тебя покину!
Полудня, как своей жены
Перенесешь кончину?
— Я верю, небо сил пошлет,
О, Нэнси, Нэнси!
И я снесу печали гнет,
Моя супруга Нэнси!

— Но и под гробовой доской
Не дам тебе покою,
Сыжая страшных духов рой
К тебе порой ночною.
— Найду жену себе подстать.
О, Нэнси, Нэнси!
И черти все со страху всяпят,
Моя супруга Нэнси!

Подбор стихотворений удачен, но все же хотелось бы несколько пополюжить книжку. Жаль, например, что Щепкина-Куперник не перевела одной из чудеснейших песен Бернса — «Джона Андерсона» — «John Anderson, my jo, John». (Есть неплохой перевод Михайлова, но можно и нужно перевести лучше).

Вступительная статья С. Бабуха дает биографию и очень верную характеристику творчества Бернса.

Книга щедро украшена заставками и концовками довольно противного бледно-зеленого цвета.

Было бы очень хорошо, если бы за этой книжкой последовали издания избранных стихотворений других английских поэтов — в частности Кольриджа Вордсворта и Китса, очень мало у нас известных. Кроме того, даже лучшие стихотворные переводы не заменяют подлинника; в нашей стране изучение иностранных языков приобретает все более массовый характер. Издательство иностранных рабочих делает большое культурное дело, публикуя английские тексты классических произведений Дикенса, Свифта и др.; почему бы не издать — по-английски же — антологию классических произведений английской поэзии?